

КАКИЕ НАШИ ГОДЫ!

Руслан Хальфин родился 28 августа 1947 года в Свердловске. В 1972 году окончил Свердловский государственный медицинский институт по специальности «Врач-педиатр».

До 1976 года работал педиатром участковой больницы поселка Полуночное Ивдельского района, заведующим детским объединением, райпедиатром Ивдельской ЦРБ. Затем в течение 16 лет работал в психиатрии и наркологии. В 1985 году создал и возглавил областную наркологическую больницу, а в 1990-м — областное объединение «Психиатрия» из трех больниц на 1600 коек.

С 1992 года на государственной службе — первый заместитель начальника Главного управления здравоохранения области, начальник Главного управления, директор Департамента здравоохранения области. С 1994 по 1998 год был членом правительства Свердловской области. В 1999—2000 годах работал в администрации Екатеринбурга, начальником управления здравоохранения города. В 1995 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1998 году — докторскую. В течение пяти лет заведовал студенческой кафедрой «Общественное здоровье и здравоохранение» Уральской государственной медицинской академии. С 2000 по 2004 год занимал руководящие должности в Министерстве здравоохранения РФ. В 2004—2005 годах директор Департамента развития медицинской помощи и курортного дела Минздравсоцразвития РФ. С декабря 2005-го по сентябрь 2008 года заместитель Министра здравоохранения и социального развития РФ.

С 2003 года Р.А. Хальфин заведует кафедрой организации здравоохранения с курсом медицинской статистики и информатики Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова. Автор более 200 научных работ. Под непосредственным руководством Руслана Альбертовича выполнены и защищены семь докторских и девять кандидатских диссертаций.

С октября 2008 года — президент медицинской страховой компании «МАКС-М» (Москва).

Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, медалями: «За трудовую доблесть», «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения», «Ветеран труда», почетной грамотой Правительства Российской Федерации. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники. Доктор медицинских наук, профессор. Заслуженный врач Российской Федерации. Действительный государственный советник II класса.

Конец 60-х годов, когда мы учились в мединституте, был закатом хрущевской оттепели, но КВНЫ, СТЭМы, студенческие оркестры были тогда еще «в разгаре», особенно на периферии, в том числе и на Урале. Вузы соревновались не только в спорте, что было всегда, но и в художественной самодеятельности. Не был исключением и Свердловский государственный медицинский институт, ректором которого тогда был В.Н. Климов.

СТЭМ КАК НЕМНОГО КРИВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЗЕРКАЛО

СГМИ частенько выходил победителем в городских конкурсах студенческих театров, хотя в других вузах города были неплохие коллективы, особенно в Уральском политехническом институте.

Думаю, тогда в стране проводилась весьма мудрая политика воспитательной работы, позволявшая по сути на голом энтузиазме сплачивать студенческую молодежь, объединяться вокруг альма-матер, развивать патриотизм. В то же время на студенческой сцене допускалось дозированно критиковать не только порядки в столовой родного вуза, но и брать повыше, вплоть до... ого-го!

В 70-е годы все это было запрещено, исчезло, и думаю, что этот регресс послужил толчком к морально-этическому разложению советского общества того времени.

Ярким примером самодеятельного театрального движения были, конечно, московские студенческие театры, например в МГУ или в МАИ, откуда

вышла масса прекраснейших актеров и режиссеров, но и на Урале, например, был шикарный коллектив «Манекен» в Челябинском политехническом институте, где я познакомился с братом режиссера этого театра Борисом Морозовым, который был тогда в игровом составе «Манекена», а сейчас — режиссер в театре Российской армии.

Нашим мединститутским СТЭМом, который назывался «Эхо», руководили тогда два незаурядных, талантливейших режиссера — Борис Борисович Писецкий и Сергей Антонович Сегеди. Был у нас и свой автор, невероятно творческая личность Олег Сергеевич Рывкин. Эта троица старалась уйти от привычных и ожидаемых тем «про пирожки» и довольно успешно ставила серьезные, публицистические вещи. Они организовывали с актерами занятия речью, пластикой, танцами, развивали нас творчески, устраивая семинары, «круглые столы» и встречи с профессиональными театральными специалистами. Все занятия были пронизаны искрометным юмором,

постоянными подначками, шутками и сценками.

Руководство СТЭМа пропало с нами до позднего вечера, без выходов и без всяких денег, на протяжении многих лет. А ведь они еще работали по основному месту: Б. Писецкий был хирургом в Областной клинической больнице №1, С. Сегеди — анестезиологом-реаниматологом в Институте восстановительной хирургии и травматологии, а О. Рывкин до сих пор работает в конструкторском бюро серьезного оборонного предприятия.

Мы давали по несколько спектаклей в год, ездили на гастроли, участвовали во всех доступных нам конкурсах. Кого я только не переиграл — и положительных героев, и отрицательных, и зверей, и насекомых.

Сценарии были в основном современных авторов, но мы играли и классику, а однажды поставили спектакль по Карелу Чапеку «Мир насекомых».

В перерывах мы учились, пытались ликвидировать задолженности, и, хотя нас уже знали в институте в лицо и основная масса преподавателей, особенно молодых, относилась к нашим спектаклям с одобрением, снисхождения на экзаменах и зачетах не было. Наоборот, как-то мне дали роль отрицательного персонажа, и я «содрал» маску с одного очень яркого, образного и узнаваемого заведующего кафедрой. Успех был оглушительный, но, когда на очередной спектакль пришел этот профессор и при моем выходе в «его» образе студенты стали оборачиваться и показывать на него, я понял, что фармакологию мне не сдать никогда! И если бы не моя жена, которая приняла на себя удар при сдаче экзамена, так бы и произошло.

Профессор, плотоядно улыбаясь, назвал мою фамилию, моя жена, как бы не расслышав, быстро встала и села к нему, и пока он растерявшись, разбирался с ней, я начал скороговоркой отвечать симпатизирующему нам доценту.

Но были проблемы и посерьезней.

Сергей Сегеди написал, на наш взгляд, абсолютно патристический сценарий, изобличающий ханжество, лицемерие и потребительство основной части современного общества: «Мы — интеллигентные люди!».

Спектакль был поставлен С. Сегеди и Б. Писецким, мы сыграли эти отвратительные персонажи, и главной сценкой здесь была концовка, когда открывался красный задник (наши режиссеры явно это у кого-то позаимствовали) и ярко-алый свет из-под сцены, расширяясь, заливал и уничтожал всю эту публику, да еще под чистые звуки серебряной трубы, игравшей «Интернационал». Ну, какая это антисоветчина?

А именно этот диагноз был поставлен спектаклю и всем нам после шести просмотров официальными представителями комсомольских, партийных и компетентных органов.

Тогда произошли студенческие волнения в Чехословакии, все было серьезно, спектакль закрыли, а нам на долгие годы присвоили ярлыки «антимарксистов», «махистов» и т. п., о чем мы в дальнейшем тоже поставили сценку.

Вообще, в те времена приходилось частенько слышать, что мы зря тратим время на эту самостоятельность, лучше бы усерднее учились.

Да, наверное, оценки у меня в дипломе были бы получше, не занимаясь я театром, хотя твердая четверка в виде среднего балла была заработана честно, но именно здесь я научился грамотно говорить, подавать нужные реплики, аргументированно спорить, очень многое узнал для себя нового, да и в целом так называемую «гражданскую позицию» я приобрел в СТЭМе.

Через много лет, готовясь к бесконечным докладам на серьезных форумах по разным вопросам здравоохранения, я ловил на себе удивленные взгляды: «Неужели вы не волнуетесь?» А что мне было волноваться? Я представлял себя на сцене, у меня была очередная роль, которую я хорошо изучил, вот публика, и я знаю, когда нужно дать эмоциональную окраску, когда держать паузу и как сыграть конечную мизансцену, чтобы сорвать аплодисменты. Именно этому искусству и надо обучать руководителей здравоохранения, или, как сейчас говорят, менеджеров, и, когда я увидел на факультете

менеджмента Манчестерского университета в Англии, где я неоднократно бывал и чьим почетным профессором являюсь, учебные программы о том, как говорить, как подавать идеи, как отступать в споре, прочитал, узнавая, целые сценарии ролевых игр для руководителей, я еще раз убедился, что время в институте я зря не тратил, пропадая в СТЭМе «Эхо».

Многие ребята из театра стали руководителями лечебных учреждений, организаторами здравоохранения, опытнейшими клиницистами и учеными. Разве можно забыть умицу, нынешнего профессора Жюно Маевского, Надю Новоторкину, Петю Саца и Борю Крутмана, Марину Гостюхину (кстати, родную сестру известного актера Гостюхина), Володю Брашлавского и многих других.

БУДУЩИЙ ВРАЧ ДОЛЖЕН УМЕТЬ ПРАВИЛЬНО КОПАТЬ, ПИЛИТЬ, ШТУКАТУРИТЬ!

Помимо учебы, СТЭМа, семейных забот постоянным вопросом в студенческие годы был поиск работы, или, как тогда говорили, «халтуры» — нужны были деньги для нормальной жизни. Физический труд никогда меня не пугал, я и до института частенько подрабатывал.

В институте я занимался на любую работу, зимой мы топили теплогенераторы на стройках, весной чистили снег с крыши. Конечно, я со своим желанием заработать (у меня в отличие от многих уже была семья, рос ребенок) не мог остаться в стороне от целинного движения. В дальнейшем «целиной» стали называть любые работы, даже в родной области, но в 60-е годы мы ездили на настоящую целину в Казахстан. В 1968 году мы трое суток ехали на поезде, затем 350 километров на открытых машинах.

Наш студенческий строительный отряд «Бицепс» попал в Семипалатинскую область, в Урджарский район, село Кара-Бута, расположенное у подножия Тарбагатайского хребта, недалеко от советско-китайской границы (ночью даже

Торжественное построение ССО «Бицепс» для посвящения в целинники. Справа — Володя КРАЕВ

На вырубленной просеке под ЛЭП в Таборинском районе.
Справа Володя ШЛЕЙХЕР, на заднем плане в рубашке Руслан ХАЛЬФИН

В роли Деда Мороза
на детском утреннике

был виден свет чужого города), когда были времена постоянных пограничных конфликтов с китайцами.

Командир отряда Володя Краев предложил мне стать у него комиссаром, была такая позиция. Комиссар должен был работать наравне со всеми (моя «штатная» единица была в штукатурной бригаде) и одновременно отвечать за общественно-политическую жизнь отряда, организовывать линейки и построения, проводить политинформации, создавать агитбригады и организовывать концерты для местного населения, а еще надо было писать отчеты в Семипалатинский штаб и заметки в областную газету «Орбита».

В. Краев был серьезным парнем, до мединститута окончил военное училище, служил в армии, а после демобилизации в звании старшего лейтенанта решил стать врачом. (После института он долго работал старшим врачом известной в то время футбольной команды «Уралмаш», но, к сожалению, рано умер.) Так вот, отрядом «Бицепс» он командовал достаточно твердо, а штаб отряда (в него кроме меня входили мастер отряда — Володя Аникин, известный в дальнейшем детский реаниматолог, — и врач отряда) помогал ему.

Места были уникальные. С одной стороны, жара и степь, с другой — покрытое лесом подножие горного хребта, с которого стекали холодные ручьи. Там росли арбузы, дыни, фрукты и овощи. Строили мы жилые дома, кошары и производственное здание для совхоза.

Местное население и руководство хозяйства относились к нам дружелюбно, и на День строителя, после нашего праздничного концерта, всему отряду подарили нейлоновые белые рубашки (очень модные по тем временам), а штаб отряда пригласил к себе в гости начальник Кара-Бутинского отделения совхоза, симпатичный крупный казах.

Этот визит мы потом долго не могли забыть, так как помимо вкусного угощения хозяин устроил для нас целое пред-

ставление. Оказалось, что он любитель фокусов, и после того, как мы и вся его семья, видимо уже в который раз, расселись на коврах и подушках, он принял гнуть лопаты, разбивать бутылки об ведра, поджигать пустые стаканы, протыкать кастрюли, метать ножи и вилки в поднос, который держала жена, связывать гостей и развязываться самому и т. п. Мы принимали во всем активное участие, и инвентаря было попорчено немало.

Побывали мы с Володиной Краевым, по приглашению замполита местных пограничников («...чтобы понимали, где находимся в это непростое время...»), и на заставе, посмотрели в стереотрубу на китайскую сторону. Там не разгибаясь работала мотыгами масса китайцев.

Замполит рассказал: «Привозят их еще до рассвета. Достанут читатники, поскандируют и — за работу. В обед опять читатники — по чашке риса, покурят, снова читатники и дотемна не разгибаются. Уезжают при свете фар». Мы удивились, что при такой работе у них посеви ржи и пшеницы ниже, чем у нас, замполит засмеялся: «У них это уже второй урожай!»

В тот год ССО «Бицепс» вовремя и с необходимым качеством закончил и сдал заказчику строительные объекты, и каждый боец отряда получил огромные по тем временам деньги, порядка 800 рублей, на радость родным и близким.

В 1969 году я снова поехал на целину в составе ССО «Бицепс» бригадиром штукатурной бригады. Попали все в ту же Семипалатинскую область, Кокпектинский район, совхоз «Большевик». Жили мы в юртах, штукатурили и саманные дома, и кирпичную кладку. Командиром отряда был Юра Брусницын, его теща Мария Николаевна Романенко — замечательная женщина, была тогда деканом у нас на педфаке.

С Ю. Брусницыным я в дальнейшем частенько встречался и в руководимом им Кировском районе города Свердловска,

и в бытность его представителем Президента России в Свердловской области, и во время моей работы в Минздраве РФ, когда он был управделами в Государственной Думе. Был я и на его похоронах...

В том году мы, «старики», помогли молодому командиру в организационных вопросах, поддерживали отрядные традиции, провели День посвящения в целинники.

На следующее лето Ю. Брусницын предложил мне снова поехать с ним в Казахстан, но я отказался, потому что меня соблазнил на долгие годы поездками на заработки в составе бригад «шабашников», или, как мы их называли, «ахал-бригад», мой одногруппник Виталий Желнин, будущий главный врач станции скорой помощи Первоуральска.

В «ахал-бригады» в отличие от ССО собирались небольшими группами, как правило, все друг друга знали по прежним работам, объекты брали любые, в том числе и те, за которые не брались официальные строители, работали не по два месяца, а пока не закончат и деньги получали неплохие, хотя бывали и проколы.

Виталий Желнин (я его прозвал сначала Жилин, потом Костылин, а затем безобидное прозвище сократили до Кости, и это имя так к нему приклеилось, что многие по-другому его и не называли) был активным парнем из Первоуральска, с задатками явного лидера, имел, как и я, семью, и мы с ним надолго подружились. Где только мы под его руководством не работали... Строили машинно-тракторную станцию, зерносушилку, другие объекты, но специализировались на лесоповале.

ДЕД МОРОЗ — ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЯЧЕЙКИ ОБЩЕСТВА

Многие годы была у меня одна тоже тяжелая, зимняя, но оригинальная и даже творческая «халтура», о которой в институте не знали, — я играл Деда Мороза на новогодних елках в детских садах.

Меня ввела в этот «бизнес» моя теща, которая была музыкальным работником в детсаде. Я сложно втягивался в эту игру, добивался, чтобы дети меня не боялись, запоминал сценарии разных елок (у малышей, в средних и старших группах), но затем стал активно импровизировать, разработал свой сценарий по блокам, который легко адаптировал к любым требованиям музыкальных работников и методистов. У меня были свой костюм, свои подходы для детей, отработанные шутки для родителей.

Это поле было занято, как правило, актерами театров, но кое-кого я потенировал, и на долгие годы у меня сформировалась «своя клиентура». Главное, мой тариф рос, вместо десяти рублей в начале этой карьеры мне платили уже по 25 рублей за елку в конце, и эти шесть-семь дней с 24 по 30 декабря, на которые я брал очередной отпуск, приносили в семью существенный доход.

Было очень тяжело давать по шесть елок в день, мотаясь на машине по садам, и Новый год у меня, как правило, улетал, впрочем, так же, как и летний отпуск.

Первый раз я сыграл Деда Мороза в школе, эту роль я исполнил лет 17—18, а закончил играть лишь в 1985 году, когда меня назначили главным врачом областной наркологической больницы. При чем последняя премьера была интригующе смешной.

Я, как всегда, отпросился в обздраве в отпуск и спокойно откатывал свою программу в районе, где я жил (Уралмаш, Эльмаш), как вдруг одна старая знакомая, музыкальный работник, попросила выручить ее в другом районе, у нее «горела» там елка. Отказать я не смог, она дала адрес, который я в запарке внимательно не посмотрел, и только подъезжая к объекту сообразил, что это детский сад кирпичного завода, расположенный рядом с моей больницей, и в этот сад ходили многие детки сотрудников, я сам выбивал для них туда путевки.

Деваться было некуда, я надеялся, что меня будет трудно узнать, так как я очень хорошо гримировался, и мои сотрудники, которых я сразу увидел, как только появился на утреннике в образе Деда Мороза, меня действительно

не узнали. Но когда я запел, а потом заговорил, они стали оглядываться и переговариваться, так как не узнали мой хриплый голос было трудно.

Я старался близко к «своим» родителям не подходить, сократил елку, как мог, и, не переодеваясь, чего до этого не допускал никогда, прямо с бородой прыгнул за руль, успев заметить, что несколько человек задумчиво рассматривают «блатной» номер, известный в больнице, на моих «жигулях» — 00-13.

После этого эпизода, хотя у меня, когда я вышел из отпуска, никто ничего не спросил, я решил прекратить это индивидуальное предпринимательство и больше никогда Деда Мороза не играл, несмотря на мольбы и слезы привыкших ко мне музработников. Хотя костюм его у меня висит до сих пор...

ДОРОГА В МЕДИЦИНУ — ЧЕРЕЗ РОДИЛЬНЫЙ ДОМ

Вспоминая сейчас эти побочные заработки, я не жалею о том, что «ломался» и калечился в тайге и на стройках, что у меня не было неторопливых отпусков и праздников, зато мне удалось создать для моей семьи и в студенческие годы, и в ранние врачебные времена более-менее сносные условия жизни, регулярно возить ребенка отдыхать на юг, покупать необходимые вещи и т. д. Свою первую машину мы купили уже через пять лет после окончания института.

Я никогда не понимал тех, кто лежит на диване, стонет от проблем, но не перерабатывает. Те же принципы я перенес в дальнейшем и на профессиональную деятельность, формируя коллективы и группы единомышленников. Бездельники возле меня долго не задерживались, а я готов был закрыть глаза на любые недостатки, если человек работал и приносил пользу.

Так меня учили мой отец, сама жизнь и мои учителя на профессиональном пути, который у меня начался четыре десятилетия назад, в 1969 году. Многие ребята из нашей группы после окончания третьего курса (это приравнивалось к медресинскому образованию), стали искать работу в системе здравоохранения. Кто дежурил на «скорой помощи», кто, как наш староста, Саша Беликов, будущий главный врач Бисертской больницы, работал в областном морге, кто пытался устроиться в детские больницы. Мне было проще, так как люди, с которыми я встречался в СТЭМе, работали в разных лечебных учреждениях, и, когда я поднял этот вопрос, Сергей Антонович Сегеди, наш автор и режиссер, сразу предложил мне пойти работать в отделение

анестезиологии-реаниматологии акушерско-гинекологического объединения «УЗТМ», где он дежурил и сам.

Объединение, или, как его коротко именовали «роддом Уралмаша», было расположено недалеко от моего дома, я с радостью согласился, и мы пошли знакомиться с заведующим отделением, хотя я его несколько раз видел все в том же СТЭМе, Владимиром Анатольевичем Мионовым.

В. Мионов занимался своим сестринским персоналом очень серьезно, читал нам лекции, давал учебники, заставлял писать рефераты и сдавать зачеты. Заставлял нас пересчитывать миллилитры в миллиграммы, и, если кто-нибудь машинально вставлял в речь общепринятые «кубики», просто выходил из себя. «Вы — анестезисты, — говорил он, — а не палатные сестры», и мы прониклись гордостью за свою работу.

Я стоял на наркозах в операционной, дежурил в реанимационной и послеоперационной палатах, участвовал в выхаживании тяжелейших больных.

До этой работы я понимал медицинскую науку так, как это изложено в учебниках, как нас учили в институте, — по разделам и дисциплинам, а здесь впервые я увидел организм человека как единое целое, как сложный механизм, которому можно помочь, а можно и навредить.

Удивительным образом эта тяжелая, да, скажем прямо, и грязная работа (приходилось работать и за санитарку) помогала мне в учебе. После третьего курса шли в основном клинические дисциплины, и дежурства способствовали формированию уже своего маленького, но клинического мышления.

Мне стало легче отвечать на занятиях, сдавать зачеты и экзамены. Если до этого меня подталкивала и помогала мне жена, имевшая хорошую теоретическую подготовку, то теперь я стал лидером в клинической практике.

Я брал дежурств столько, сколько давали, в основном по ночам, в субботу и воскресенье, и иногда в месяц выходило по восемь-десять дежурств. Многие мои коллеги-сестры не знали, что учусь в институте, и, когда я на пятом курсе с группой появился в роддоме на занятиях, мне говорили: «Ты что пришел? Смена же не твоя?!»

СЕВЕРНЕЕ ТОЛЬКО ТАЙГА, ТУНДРА И СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

В 1972 году мы окончили Свердловский государственный медицинский институт, я — педиатрический факультет, а Мариша — лечебный, и пошли на государственное распределение.

Нас распределили в поселок Полуночное Ивдельского района. Дальше на север просто не было ничего, ни железных дорог (тогда там заканчивалась колея), ни больниц, ни даже деревень, только зоны и зековские поселения.

Слева направо: Анатолий ЗЯЗИН, В.А. ПАСТУХОВ, Петр САЦ, Леонид КАРПИН, Б.Б. ПИСЕЦКИЙ (автор снимка Руслан ХАЛЬФИН). Москва, 2002 год

На карте Советского Союза этот поселок с таким диковинным названием был, но дальше было пусто до самого Ледовитого океана.

По совету наших старших коллег, друзей, врачей со стажем — все тех же «стэмзовцев» — мы решили воспользоваться этой ссылкой и получить настоящую врачебную практику самостоятельной работы, что по факту и произошло в дальнейшем, мы набрали врачебную руку и набрали опыта, увидели здравоохранение на самом первичном этапе, учились у реальных практиков, принимали самостоятельные решения и отвечали за них, мы, наконец, просто за эти почти четыре года стали врачами.

Но прежде мы прошли интернатуру, Мариша в 14-й городской больнице, а я в Детской дорожной.

Наш институт, наверное, как и все вузы в те времена, да и много позже, был действительно излишне политизирован, что и понятно (куда же в медицине без углубленного изучения марксизма-ленинизма!), но положение спасало наличие в институте известных научных школ и выдающихся ученых и преподавателей. Разве можно забыть лекции Д.Г. Шефера, М.И. Сахарова, А.Л. Сангайло? Мы учились по книгам, методическим материалам и рукописям лекций Б.П. Кушелевского, Е.С. Кливанского-Кроль, Л.М. Ратнера, А.Ф. Зверева и других создателей уральской медицины.

Мне посчастливилось общаться и учиться у О.А. Снявской, В.В. Фомина, А.М. Чердниченко, Ю.П. Чугаева, А.В. Харитоновой (ее кафедра курировала интернатуру в Детской дорожной больнице), Э.М. Силовой (именно ее подпись стоит у меня в дипломе) и многих других опытейших педиатров, и я по сегодняшний день с удовольствием вспоминаю эти сложные, но интересные годы.

В дальнейшей самостоятельной практической деятельности и я, и моя жена неоднократно убеждались, что базовое образование мы получили надежное, за что благодарны нашим учителям и Свердловскому государственному медицинскому институту, ныне академии!

Ребятам на педфаке было немного, в основном девушки. Я помню, мы встретились в финале КВН с командой лечфака, и, честно говоря, предстояло серьезное испытание, так как с той стороны кроме самостоятельных артистов было много и «яйцеголовых» отличников, но мы взяли как раз женским началом. Я был капитаном, и мы подобрали команду в основном из длинноногих блондинок с хорошими голосами, и симпатии зрителей были на нашей стороне.

Наша мужская группа была достаточно дружной на факультете. С уже упоминавшимся Сашей Беликовым, нашим старостой, мы встречались частенько по работе и после института, он был главным врачом Бисерской участковой больницы, тянувшей половину Нижнесергинского района, бывали с женой у него дома, видели, как растут его двое детей. Первые государственные награды в 1986 году, я — медаль «За трудовую доблесть», а Саша — орден «Знак Почета», получили вместе. С Виталиком (Костей) Желниным и его семьей тоже дружили долго, отмечали вместе праздники, он был у нас на 30-летию свадьбы. В Москве живут и работают два моих одногруппника, с которыми мы поддерживаем связь: проктолог, заведующий

отделением Толик Зязин и заведующий оргметодотделом в Республиканской детской клинической больнице Леня Карпин.

Вспоминаю Витю Миронова, рано умершего где-то в Республике Коми, большого умника и хорошего врача, но любителя выпить, хотя в институте этого за ним не водилось.

Еще один приятель, незаурядная личность, частенько вспоминается, — Стас Самойлов. Широкое лицо, белоснежная улыбка, светлый чуб. Вот был проказник и шутник, острый на язык, мастер на розыгрыши... Учился неважно, но с явными задатками руководителя. Ставов язык мешал ему и в дальнейшем, когда он работал главным врачом детской больницы, потом участковой больницы, а затем возглавил одну из передовых в области центральных районных больниц — Артемовскую. Он умер на этой должности от инфаркта, не пережив несправедливых обвинений в свой адрес. Все думали о нем как о жестком и резком руководителе, а он был ранимый и чувствительный детский врач и оставил после себя жену и ребенка, да еще много забавных воспоминаний его друзей.

...После окончания интернатуры ранним сентябрем мы приехали к месту работы в поселок Полуночное. Весь поселок пилил дрова, главный врач больницы Эдуард Александрович Эбергардт тоже руководил бензопилой, но ради приезда двух врачей оторвался и лично проводил в предназначенную для нас квартиру. Мне показалось, что он до последнего момента не верил, что мы приедем.

Была прекрасная осень, пахло дымком бензопил, опилками, какими-то годами, вокруг качались березки и рябины, а поодаль стояли огромные ели и кедры.

Нас прекрасно встретили, и мы решили, что нам здесь понравится. Наутро был понедельник, и мы вышли в свой первый самостоятельный врачебный рабочий день из будущих сорока лет...

Эвакуация раненых из Беслана. На снимке слева Р.А. ХАЛЬФИН, в центре — Министр здравоохранения и социального развития РФ М.Ю. ЗУРАБОВ